

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 15(98) Октябрь 2019 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ	3
1. ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ: ПЕРВЫЕ ЭФФЕКТЫ	
А. Кнобель, Н. Пыжиков	5
2. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СЕНТЯБРЕ 2019 ГОДА: СТАБИЛЬНОСТЬ СПРОСА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К РОСТУ	
С. Цухло	9
3. РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЯНВАРЕ-ИЮЛЕ 2019 ГОДА: СОЧЕТАНИЕ РОСТА, СТАГНАЦИИ И СПАДА	
Н. Зубаревич	11
4. 2018 ГОД: ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ И СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	
Р. Хасанова	15
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА.....	19

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Редколлегия: Дробышевский С. М., Мау В. А., Синельников-Мурылев С. Г.

Редактор: Гуревич В. С.

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ
имени Е. Т. ГАЙДАРА

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Недавно опубликованные прогнозы ВТО, предполагающие серьезное снижение темпов роста мировой торговли в 2019–2020 гг., коррелируют с доминирующим ожиданием слабых показателей глобальной экономики. К числу основных факторов торможения почти единодушно отнесены торговые войны.

Следует, правда, уточнить: только что произведенное США повышение импортных пошлин на европейские самолеты (и некоторые сельхозпродукты) к торговым войнам формально не относится. Оно обусловлено итогом многолетнего разбирательства в ВТО и, с этой точки зрения, укладывается в международную юридическую практику.

Наши эксперты рассматривают практику именно торговых войн, инициируемых в последние годы США, и ставших, как отмечается ими, результатом структурных проблем в мировом хозяйстве, включая неравномерное распределение выгод от глобализации. Авторы оценивают характер и эффект торговых войн США и КНР в сфере металлургии и трансфера технологий, а также потенциальные конфликты в автомобилестроении. Если исходить из непосредственных результатов этой войны, то, по их подсчетам, **общее влияние на мировую экономику слабо негативное (потери мирового ВВП составили 80 млрд долл., или 0,12 п.п. ежегодно), влияние на экономический рост в США близко к нулевому, торговый баланс с КНР улучшился незначительно, а с остальным миром практически не меняется (в пределах 25–30 млрд долл.).**

В том числе влияние на экономику России пока весьма слабое, некоторый негативный эффект можно ожидать для российской металлургии.

Добавим, что, кроме анализируемых непосредственных эффектов торгово-экономического противостояния, куда более значительные негативные последствия связаны с ожиданиями. Например, уже происходящий в разных странах отказ от инвестиций или остановка проектов именно из-за опасения торговых войн.

Традиционные опросы российской промышленности, проводимые исследователями Института Гайдара, показали в сентябре практически стабильную оценку предприятиями спроса на свою продукцию. **Начиная с 2009 г. недостаточный спрос остается, по версии промышленников, основным препятствием для роста производства (сегодня его считают недостаточным 52% предприятий).** Нехватка экспортного спроса сохраняет третью позицию в качестве препятствий к росту (на второй – «неясность экономической ситуации»). Указывая, что и сегодня, и до девальвации 2014 г. доля предприятий, отмечавших нехватку внешнего спроса, сохраняется на уровне 28%, исследователи делают вывод, что серьезное ослабление рубля не оправдало надежд промышленности на расширение экспортного спроса.

Анализируя состояние экономики регионов за январь–июль 2019 г., эксперты указывают на рост промышленности в ресурсодобывающих регионах, ускорившуюся динамику жилищного строительства, небольшой рост

розничной торговли и сокращение реальных доходов (за I полугодие по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.), которые снизились в 44 регионах. **Объем инвестиций сокращался в половине регионов, однако динамика сильно поляризована, на нее влияют агломерационные и ресурсные конкурентные преимущества.**

На этом фоне консолидированные бюджеты регионов выглядят более благополучно: прирост доходов составил 13% за январь-июль (по сравнению с сопоставимым периодом прошлого года). Отчасти это связано с ростом платежей по налогу на прибыль, отчасти – с увеличением трансфертов. **Рост трансфертов регионам (на 15%) обусловлен увеличением финансирования нацпроектов и компенсационными выплатами за утрату налога на движимое имущество.** Проблема дефицита региональных бюджетов становится менее острой: по данным за семь месяцев его имели 12 территорий, и, хотя по итогам года их станет больше, ситуация серьезно отличается от периода 2013–2015 гг. (75–77 регионов с дефицитными бюджетами).

Оценивая итоговые данные за 2018 г., эксперты отмечают позитивные тенденции по росту продолжительности жизни, а также снижению младенческой смертности. Однако рост числа умерших на фоне сокращения числа родившихся поддерживает негативную тенденцию естественной убыли населения.

Продолжительность жизни в минувшем году выросла на 0,2 года (в том числе на 0,24 – у мужчин и 0,18 – у женщин). При этом **если в городе продолжительность жизни выросла на 0,18 года, то на селе – на 0,29 года в основном за счет сокращения здесь смертности.** Разрыв в продолжительности жизни между регионами вырос до 18,8 лет с 15,5 лет в 2017 г. К территориям с наибольшим уровнем смертности в трудоспособном возрасте относятся преимущественно регионы Сибири и Дальнего Востока, с наименьшим – республики Северного Кавказа, Москва и ЯНАО.

1. ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ: ПЕРВЫЕ ЭФФЕКТЫ

А. Кнобель, Н. Пыжиков

Торговые войны, инициированные США с начала 2017 г., – результат накопленных в мировой торгово-экономической системе структурных проблем. Во-первых, выгоды от глобализации распределяются неравномерно между развитыми и развивающимися странами, квалифицированной высокооплачиваемой и неквалифицированной низкооплачиваемой рабочей силой; усиливается неравенство в развитых странах. Во-вторых, многосторонняя торговая система функционирует по правилам, сформированным развитыми странами в конце XX века, в то время как позиции развивающихся стран с тех пор значительно укрепились. В-третьих, изменился характер региональной экономической интеграции: на смену расширению и усложнению торговых соглашений приходит активизация двусторонних договоренностей.

Происходящие процессы пока слабо влияют на Россию. Однако в дальнейшем можно ожидать усиления негативных эффектов, в частности, для российской металлургии.

Почти одновременно со вступлением Дональда Трампа в должность президента США были предприняты первые действия, во многом определившие будущую торговую политику страны, включая выход из Транстихоокеанского партнерства, отказ от поддержки ВТО и курс на реформирование уже действующих соглашений. **К декларируемому перечню ключевых задач, на решение которых направлена новая торговая политика США, относятся:**

- защита интересов американских производителей на внутреннем рынке;
- перенос производственных мощностей на территорию США и увеличение числа рабочих мест внутри страны;
- сокращение дефицита торгового баланса с крупнейшими партнерами США;
- сдерживание экономического развития Китая;
- реформирование ВТО.

Подобная постановка задач, вместе с дальнейшим переходом торговой войны в открытую стадию, объясняются¹ преимущественно накоплением структурных проблем в мировой торговой системе.

Во-первых, это **неравномерное распределение выгод от глобализации** между развитыми и развивающимися странами, квалифицированной высокооплачиваемой и неквалифицированной низкооплачиваемой рабочей силой, усиление неравенства в развитых странах.

Во-вторых, почти **неизменными остаются правила функционирования многосторонней торговой системы**, сформированные преимущественно развитыми странами в конце XX века. С этого времени, однако, позиции развивающихся стран значительно укрепились. Наиболее показательный пример – Китай. Несмотря на лидирующие позиции в международной торгово-экономической системе, Китай остается в статусе развивающейся

1 См. Кнобель А.Ю., Алиев Т.М., Пыжиков Н.С., Флегонтова Т.А. Торговля и глобализация. События последних тридцати лет и дальнейшее эволюционные траектории / РАНХиГС при Президенте РФ. – М.: Дело, 2019. – 72 с. – (Научные доклады: экономика; 19/23).

страны, что дает ей право использовать специальный и дифференцируемый режим, предоставляющий, например, льготные периоды имплементации соглашений ВТО и соответствующих обязательств. Для сравнения следует отметить, что Россия имеет в ВТО статус развитой страны.

Наконец, в-третьих, **меняется характер региональной экономической интеграции**. Если последнее десятилетие страны стремились к расширению и усложнению торговых соглашений, то сейчас велика вероятность возвращения к двустороннему формату договоренностей, когда заключается множество соглашений вместо одного, что, в свою очередь, ведет к увеличению числа правил, которым нужно следовать.

По состоянию на сегодняшний день можно выделить три сферы, в которых разворачиваются торговые войны: сталь и алюминий; трансфер технологий; автомобилестроение.

Металлургический фронт торговой войны

В открытую фазу торговая война перешла в марте 2018 г. Президент США подписал указы о повышении ставок таможенных пошлин на сталь¹ и алюминий² до 25 п.п. и 10 п.п. соответственно. В расследованиях Министрства торговли США по стали и алюминию угрозу национальной безопасности связали с закрытием американских металлургических заводов, существенным снижением занятости в отрасли, превышением импорта стали и алюминия над экспортом. В качестве основной причины избытка предложения стали на мировом рынке было указано ее перепроизводство в Китае. Следом за подобным шагом ряд стран – членов ВТО, включая Китай, Мексику, Турцию, ЕС, Канаду, Россию и Индию, ввели балансирующие ответные меры. Помимо этого, некоторые страны были вынуждены ввести защитные меры, что было вызвано возросшим импортом стали и алюминия. В августе 2018 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) инициировала³ специальное защитное расследование в отношении импорта металлопроката в ЕАЭС по заявлению трех российских компаний (НЛМК, ММК и «Северстали»). По итогам расследования с 1 декабря 2019 г. со стороны ЕАЭС вступит в силу защитная мера (тарифная квота сроком в 1 год) в отношении горячекатаного проката.

Торговые ограничения как следствие претензий США по трансферу технологий

В рамках второго направления торговой войны, вызванного претензиями США к Китаю в отношении трансфера технологий, напрямую задействованы две страны. В августе 2017 г. по запросу Трампа **USTR (United States Trade Representative – Торговое представительство США)** инициировало расследование⁴, которое пришло к следующим выводам:

1. Законодательство КНР, по сути, делает крайне затруднительным привлечение китайских компаний к ответственности за утечку импортированных технологий;

1 URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-adjusting-imports-steel-united-states/>

2 URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-adjusting-imports-aluminum-united-states/>

3 URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/proclamation-modify-list-beneficiary-developing-countries-trade-act-1974-2/>

4 URL: [https://ustr.gov/sites/default/files/Section 301 FINAL.PDF](https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF)

1. Торговые войны: первые эффекты

2. Патентный закон КНР позволяет регистрировать «улучшения», вносимые китайскими компаниями в иностранные технологии в качестве изобретений, что в итоге означает кражу технологий;
3. Закон КНР о совместных предприятиях позволяет китайской стороне по окончании действия соответствующего договора продолжать использовать технологии.

Для борьбы с «несправедливыми практиками» Китая США повышали тарифы на китайский импорт, КНР, в свою очередь, повышала тарифы на ввозимую из Соединенных Штатов продукцию. В настоящее время ограничения охватывают почти всю двустороннюю торговлю. Согласно данным USTR¹, экспорт Китая в США за 2018 г. составил 557,9 млрд долл., экспорт США в Китай – 179,3 млрд долл.

Что касается последствий уже введенных торговых ограничений, то среди них в качестве основных можно выделить следующие²:

- основные бенефициары торговой войны – это отрасли США с преобладанием низкоквалифицированного труда (черная и цветная металлургия, добывающая промышленность). Почти все остальные отрасли и в мире, и в КНР (за исключением, возможно, растениеводства) проигрывают либо выигрывают незначительно;
- в результате принятых решений торговые потоки будут перераспределяться с направления «США–КНР» на направления «США–остальной мир» или между остальными странами мира, однако в целом масштабы торговли уменьшаться;
- общее влияние на мировую экономику – слабо негативное (по нашим подсчетам, потери мирового ВВП около 80 млрд долл. ежегодно); однако в дальнейшем оно может быть усилено;
- в перспективе торговая война может способствовать переносу производства американскими компаниями из Китая либо в другие страны (Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Коста-Рика, Мексика), либо в США;
- декларируемые Трампом цели достигаются лишь частично: влияние на экономический рост в США почти нулевое; торговый баланс с КНР улучшается несущественно, а с остальным миром – практически не меняется (как результат введения взаимных ограничений – на 25–30 млрд долл.). При этом страдают, хотя и незначительно, высокотехнологичные секторы американской экономики (прежде всего производство автотранспорта, металлических изделий, электроники, химическая промышленность);
- влияние происходящих процессов на Россию пока слабое; в дальнейшем возможно как освобождение ниш для российской продукции, так и, наоборот, усиление конкуренции. Помимо прямых негативных последствий от повышения США ввозных таможенных пошлин на сталь и алюминий, в перспективе можно ожидать усиления негативных эффектов от торговых войн для металлургии, в том числе российской.

Автомобилестроение – новое ожидаемое направление торговых войн.

Еще в мае 2018 г. Министерство торговли США инициировало расследование в отношении импортируемых автомобилей и деталей по тому же

1 URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>

2 См. Кнобель А.Ю., Алиев Т.М., Пыжиков Н.С., Флегонтова Т.А. Торговля и глобализация. События последних тридцати лет и дальнейшее эволюционные траектории / РАНХиГС при Президенте РФ. – М.: Дело, 2019. – 72 с. – (Научные доклады: экономика; 19/23).

разделу 232 Закона «О расширении торговли», что использовался для введения дополнительных пошлин на сталь и алюминий. Результаты расследования еще не опубликованы, однако, согласно предварительным данным, они могут привести к повышению тарифов на 25 п.п. в отношении импортных автомобилей и деталей для них. От будущих ограничений пока избавлены только Мексика и Канада. В дополнении к тексту USMCA (United States–Mexico–Canada Agreement – Соглашение между Соединенными Штатами Америки, Мексиканскими Соединенными Штатами и Канадой) США согласились исключить определенные объемы экспорта канадских и мексиканских автомобилей и их частей из сферы применения любой будущей меры, введенной в отношении других стран. Ожидается, что под ударом потенциальных мер окажутся прежде всего производители из ЕС и Японии. Пока введение дополнительных пошлин отложено.

США намерены продолжить введение ограничительных мер в отношении китайских товаров, инициировать потенциальные ограничения в отношении поставляемых автомобилей, пока не просматриваются варианты разрешения спора по металлам. А значит, совсем скоро может начаться новый виток торговой войны.

2. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СЕНТЯБРЕ 2019 ГОДА: СТАБИЛЬНОСТЬ СПРОСА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К РОСТУ

С. Цухло

Стабильная динамика спроса позволяет промышленности уверенно контролировать запасы готовой продукции и сырья. При этом сохраняется околонулевой темп роста производства и не видно предпосылок для существенного увеличения выпуска в обозримом будущем. Нежелание предприятий создавать новые рабочие места достигло исторического максимума с начала мониторинга этого показателя в 1993 г. Оптимизм инвестиционных планов продолжает снижаться после подъема в 2017 г.

В сентябре предприятия сообщили о символическом улучшении динамики спроса после столь же символического ее ухудшения в августе. В результате очищенный от сезонных и случайных колебаний **баланс изменений продаж промышленной продукции демонстрирует на протяжении 9 месяцев 2019 г. стабильность.**

Прогнозы изменения спроса в 2019 г. тоже стабильны. После очищения от сезонных и случайных колебаний они находятся в интервале +3...+4 пункта с начала текущего года.

В существующих условиях предприятиям относительно легко управлять своими запасами готовой продукции. **Результатом становится рекордно высокий уровень нормальных оценок запасов. В сентябре 2019 г. таких оценок получено 78% – исторический максимум всех 328 опросов. При этом средний результат первых 9 месяцев текущего года составил 73% – тоже абсолютный рекорд всех 28 лет опросов по 9-месячным данным.**

Баланс (разность) остальных оценок пребывает в окрестности нуля, не выходя с начала 2019 г. за пределы диапазона -2...+3 пункта. Промышленные предприятия не видят оснований для формирования управляемой избыточности запасов, которая характерна для периодов уверенности в росте спроса.

Аналогичная ситуация складывается и с запасами сырья и материалов. **В 2019 г. доля нормальных оценок этих запасов достигла рекордных 83% (II квартал), а в III квартале составляет 77% при околонулевом балансе остальных ответов (выше нормы – ниже нормы).**

Темп роста выпуска (после очистки от сезонных и случайных колебаний) остается чуть выше нуля второй квартал подряд – с апреля этот показатель устойчиво демонстрирует значения в интервале 0...+1. В I квартале 2019 г. баланс (темп) фактических изменений выпуска пребывал, по данным опросов, в интервале +2...+3 пункта.

Несмотря на такую все более застойную динамику выпуска, производственные планы промышленности в текущем году обнаруживают высокий уровень оптимизма. **В III квартале баланс ожидаемых изменений выпуска составлял +13 пунктов. Заметим, что в 2018 г. оптимизма в планах выпуска было меньше: все квартальные балансы находились в пределах +11...+12 пунктов.**

Спрос, по версии предприятий, остается основным ограничителем промышленного роста. Этот фактор сохраняет 1-е место в рейтинге ограничителей выпуска для российской промышленности, начиная с пикового взлета

в I квартале 2009 г. (до 67% упоминаний после 30% во II квартале 2008 г.). Сейчас спрос мешает росту выпуска 52% предприятий.

На 2-е место в рейтинге ограничений роста производства российская промышленность с 2015 г. ставит «неясность текущей экономической ситуации и ее перспектив». Этот фактор достиг локального максимума (49% упоминаний) в начале 2016 г., когда предприятия так и не увидели «отскока» от дна кризиса. В 2017 г. (с началом реального выхода из стагнации) на него стали указывать только 24% предприятий. Но торможение выхода из стагнации в 2018 г. увеличило долю упоминаний до 35%. Сейчас неясность текущей ситуации и туманность перспектив вновь мешают увеличивать выпуск трети российской промышленности.

Недостаточный экспортный спрос упоминают в III квартале 2019 г. 28% предприятий. Этот фактор занимает 3-е место в рейтинге. До девальвации декабря 2014 г. на недостаточный экспортный спрос также указывали в среднем 28% предприятий. Вероятно, девальвация рубля не оправдала надежд предприятий на расширение экспортного спроса.

Конкуренция с импортом занимает в 2019 г. 4-е место и является ограничителем выпуска для 22% предприятий. Это – максимум упоминаний данного фактора после декабря 2014 г. Угнетающее влияние конкурирующего импорта на российскую промышленность пока не достигло преддевальвационных уровней.

В сентябре промышленность пыталась увеличить отпускные цены – баланс их фактических изменений вырос до +5 пунктов после 0 пунктов в августе. Однако этот шаг, похоже, признан предприятиями неудачным. Ценовые прогнозы, наоборот, снизились на 5 пунктов – промышленность вновь готова отказаться от увеличения цен. **О намерении снизить цены в сентябре сообщили 10% предприятий.** Больше сообщений о снижении цен за последние 7 лет (13%) было получено только в мае 2019 г.

В сентябре промышленность в целом сохранила нулевой баланс изменения численности персонала. Таким образом, негативный тренд снижения персонала при необходимости пополнения, сформировавшийся в мае-июле, все более определенно преодолевается. Однако в своих кадровых прогнозах промышленные предприятия утратили оптимизм начала года. Баланс этого показателя второй месяц подряд остается нулевым, т.е. предприятия (в целом по стране) уже не планируют роста численности работников.

Абсолютное большинство предприятий (83%) в III квартале 2019 г. сообщало о намерении сохранить имеющуюся численность занятых. Такого массового желания не менять количество работников среди российских промышленных предприятий не регистрировалось ни в одном из кварталов с начала мониторинга этого показателя в 1993 г. Предыдущий «рекорд» российской промышленности по желанию заморозить создание новых рабочих мест был зарегистрирован в 2018 г. и составлял 78%.

В 2019 г. оптимизм инвестиционных планов первых 9 месяцев оказался несколько ниже аналогичного результата 2018 г.: +5 балансовых пунктов после +7. Желających не менять объемы инвестиций стало больше: 51% в первые три квартала 2019 г. после 47% в аналогичный период 2018 г. Торможение выхода российской промышленности из инвестиционной стагнации 2012–2016 гг. продолжается. При этом нехватка машин и оборудования сдерживала рост выпуска в первых трех кварталах 2019 г. только у 10% промышленных предприятий. Это минимальное упоминание указанного фактора с 2000 г., т.е. его 20-летний минимум. ■

3. РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЯНВАРЕ-ИЮЛЕ 2019 ГОДА: СОЧЕТАНИЕ РОСТА, СТАГНАЦИИ И СПАДА

Н. Зубаревич

В январе-июле 2019 г. при подъеме промышленности, в основном за счет ресурсодобывающих территорий и отраслей, и слабом росте потребления наиболее существенными проблемами оставались уровень доходов населения и объем инвестиций, которые снизились более чем в половине регионов. Жилищное строительство выходило из кризиса прежде всего в крупнейших агломерациях и на юге, но на Дальнем Востоке продолжался спад. Значительно выросли доходы бюджетов подавляющего большинства регионов благодаря росту поступлений по налогу на прибыль и трансфертов, что позволило увеличить расходы на экономику и социальную сферу. Опережающий рост расходов на ЖКХ обеспечен прежде всего Москвой, тратящей значительные средства на благоустройство. Региональное неравенство продолжало усиливаться, особенно в инвестициях, зарплате и доходах бюджетов.

В российских регионах растет промышленное производство (2,6% в январе-июле). **Лидерами были нефтегазодобывающие Ямало-Ненецкий АО (на 22%) и Республика Якутия (11%), а также регионы со специализацией на ВПК (Тульская и Брянская области – более чем на 14%). Среди федеральных округов по темпам роста лидировал Дальний Восток (6%), основной вклад внесли Якутия и Приморский край. Спад наблюдался только в 13 регионах, наиболее сильный – в Архангельской области (-15%).** Среди остальных регионов с отрицательной динамикой производства треть составляют республики, где промышленность развита слабо.

Восстанавливается жилищное строительство (рост на 7% в январе-июле 2019 г. к аналогичному периоду предыдущего года): это следствие бума ипотечного кредитования, начавшегося с 2017 г. Из регионов с большими объемами жилищного строительства лучшую динамику показала Москва (рост в 2,2 раза), в основном за счет освоения новых территорий, при этом ввод жилья в Московской области сократился на 2%. Ввод жилья в Татарстане вырос на 17%. Еще одна группа лидеров – регионы юга (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края – на 12–14%). Отрицательная динамика отмечена на Дальнем Востоке (-8%), продолжался спад в Приморском крае (-6%), вводящем больше всего жилья в округе. Доля Дальнего Востока во всем вводе жилья в России сократилась до 2,7%. Для того, чтобы она росла, нужно не только снижение ставки по ипотеке для дальневосточников до 2%, но и миграционный приток населения, пока же сальдо миграции остается отрицательным.

Торговля, инвестиции, зарплаты, доходы

Рост номинальной заработной платы (7% в 1 полугодии) выглядит существенным, но реальная зарплата (с учетом инфляции почти в 5%) выросла слабо. Добавим, что заработная плата измеряется Росстатом по крупным и средним предприятиям и организациям, а в малом бизнесе и неформальной экономике она существенно ниже. Рост номинальной зарплат в

Москве (9,6%) превышал среднюю динамику по стране. Столичная зарплата в 1 полугодии 2019 г. вдвое превосходила среднюю по стране, в полтора раза – зарплату в Санкт-Петербурге, почти на 70% – в Московской области, несколько уступая двум автономным округам Крайнего Севера с большими северными надбавками к зарплате – Ямало-Ненецкому и Чукотскому.

В зоне между ростом и стагнацией находился оборот розничной торговли (на 1,6% в январе-июле). Причем незначительный рост наблюдался почти повсюду, небольшой спад (на 1% и менее) отмечался только в 10 регионах. Более заметный рост розничной торговли в Московской области (почти на 5%) обусловлен расширением сетевой торговли, область перетягивает часть московских потребителей, особенно в дачный сезон. Агломерационные преимущества работают и в Ленинградской области (рост розницы на 4%).

В зоне стагнации – инвестиции, их рост в 1 полугодии был в рамках статистической погрешности (+0,6%). Региональная динамика сильно поляризована, на нее влияют агломерационные и ресурсные конкурентные преимущества. Среди регионов со значительным объемом инвестиций они быстрее всего росли в Ямало-Ненецком АО (23%), Москве и Московской области (на 19-20%). Столичная агломерация получила в 1 полугодии почти 20% всех инвестиций в стране, а Тюменская область с автономными округами – 14%. Рост инвестиций в Сибирском ФО (на 13%) отмечался почти во всех его регионах, однако доля округа в общем объеме инвестиций в России относительно невелика – 10%.

В половине регионов объем инвестиций сокращался, особенно существенно – в Северо-Западном ФО (-9%), в том числе из-за негативной динамики Санкт-Петербурга (-21%), и еще сильнее – в Южном ФО (-27%), это связано с завершением строительства инфраструктуры Крымского автомоста и, как следствие, снижением инвестиций в республике Крым на 40%, а в Краснодарском крае – на 30%. Федеральный бюджет остается главным инвестором в Крым и Севастополь (71 и 61% от всех инвестиций в эти регионы соответственно). Несущественно сократились инвестиции в Приволжском ФО (-3%), где отрицательную динамику имели 2/3 регионов, включая Татарстан, и в Дальневосточном ФО, где самое сильное сокращение отмечалось в Якутии (на 20%). Доля Дальнего Востока во всех инвестициях в стране – 8%, она ниже, чем в период подготовки к саммиту АТЭС (9%).

В отрицательной зоне – динамика реальных располагаемых доходов населения, в 1 полугодии они сократились на 1,3% в целом по России. По регионам Росстат измеряет реальные доходы населения, в которых не учитываются растущие обязательные платежи, в том числе платежи по кредитам. **Реальные доходы в целом по стране сократились только на 0,4%, но продолжали снижаться в 44 субъектах РФ и в большинстве федеральных округов, за исключением Уральского и Дальневосточного.**

Доходы, расходы, долги

С учетом проблемной социально-экономической динамики консолидированные бюджеты регионов более благополучны. **За первые семь месяцев года (январь-июль) их доходы выросли в среднем почти на 13% (рис. 1), в том числе в Москве – на 17%.** Регионы с максимальным ростом доходов (на 25–31%) делятся на две группы – со значительно возросшими поступлениями налога на прибыль (Ямало-Ненецкий АО, Красноярский край, Мурманская область) и с резким ростом трансфертов (Севастополь и Чукотский АО), в Амурской области быстрый рост доходов обеспечили оба этих источника.

3. Российские регионы в январе-июле 2019 года

Отрицательную динамику имели только Республики Ингушетия и Хакасия, на их динамику повлияло сокращение трансфертов.

Еще быстрее в январе-июле росли поступления налога на прибыль (на 20%). Среди регионов, в которых налог на прибыль вносит большой вклад в доходы бюджета, самыми вы-

сокие темпы его роста имели Ямало-Ненецкий АО (81%), Мурманская область (75%), Красноярский край (68%), Республика Коми (47%), Пермский край, Тюменская и Астраханская области (33–38%). Поступления налога на прибыль сократились в 13 регионах, особенно чувствительно сокращение для бюджетов Башкортостана (-28%), Якутии (-26%), Ханты-Мансийского АО (-12%) и Липецкой области (-13%).

Поступления НДФЛ выросли на 9%. Спад поступлений НДФЛ наблюдался только в Тюменской области и Республике Хакасия. На Москву приходится 21% доходов всех регионов, а также 27% поступлений налога на прибыль и НДФЛ в бюджеты всех регионов.

На доходы бюджетов регионов влияли также решения центральной власти. **В 2019 г. в бюджеты регионов стал полностью поступать акциз на нефтепродукты, поэтому рост акцизов составил 20% и отмечался практически везде.** Одновременно у территорий отобрали налог на движимое имущество, в результате **поступления налога на имущество сократились на 2%, что зафиксировано более чем в половине регионов.** Потери были частично компенсированы за счет трансфертов, однако это нестабильный источник.

Значительный рост трансфертов регионам (на 15% в январе-июле) во многом обусловлен увеличением финансирования нацпроектов и компенсационными выплатами за утрату налога на движимое имущество. Помимо этих причин заметна роль субъективных и геополитических факторов: трансферты Севастополю увеличились на 31%, Чукотскому АО – в 1,5 раза, уровень дотационности этих субъектов составил соответственно 52 и 67%. Увеличились на 18% трансферты Чечне, которая имеет сверхвысокий уровень дотационности – 81%.

Расходы консолидированных бюджетов регионов увеличились на 11%, быстрее всего росли расходы в Севастополе (41%), Чукотском АО (36%), Сахалинской области (32%) и Татарстане (27%). Сократили расходы только 5 республик: Мордовия – на 20%, Хакасия – на 6%, а Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Алтай – на 1–3%. В Мордовии происходит жесткая оптимизация всех расходов для снижения очень высокой долговой нагрузки, в Хакасии она проводится более мягко.

Динамика расходов по социальным статьям и на экономику схожа с общим ростом расходов (рис. 1), хотя региональные различия велики.

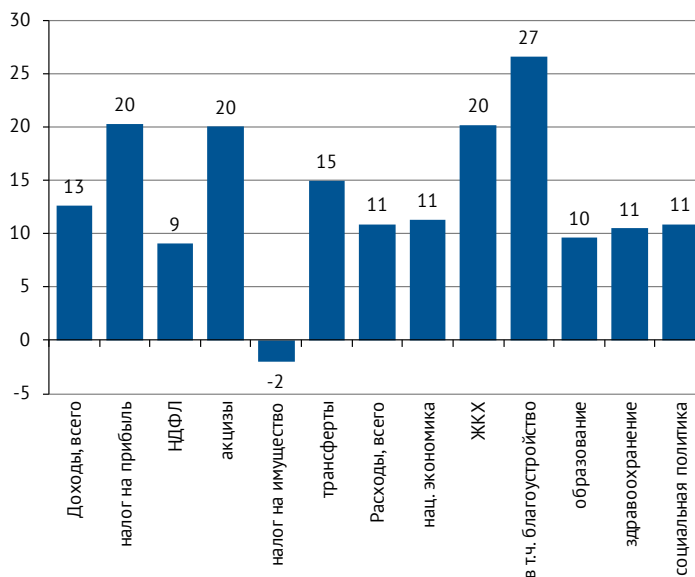

Рис. 1. Динамика доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов в январе-июле 2019 г., % к аналогичному периоду 2018 г.

Источник: Росстат

В среднем быстрее росли расходы на ЖКХ, их рост отмечался почти в $\frac{3}{4}$ регионов. Возросшие доходы бюджетов помогли расплатиться с долгами по жилищно-коммунальным услугам и немного увеличить средства, направляемые на благоустройство. Однако есть более значимый фактор опережающего роста: **на Москву приходится 42% расходов всех регионов на ЖКХ**, в столице они выросли на 24%. В структуре столичных расходов на ЖКХ 81% составляют траты на благоустройство, в январе-июле 2019 г. они выросли на 36% и составили более 15% всех расходов столичного бюджета.

Проблема дефицита бюджетов регионов в январе-июле 2019 г. стала менее острой, в этот период его имели только 12 территорий, самый большой дефицит – в Республике Якутия и Еврейской автономной области (10–11% к доходам бюджета). К концу года проблемных регионов будет больше, но эти цифры не критичны по сравнению с 2013–2015 гг., когда дефицит имели 75–77 регионов.

Постепенно **смягчается и долговая проблема, объем суммарного долга регионов и муниципалитетов сократился с января по сентябрь 2019 г. почти на 11%**. Увеличили объем долга только 14 регионов, сильнее всего – Республики Калмыкия, Ингушетия и Еврейская автономная область (на 13–16%). Расчетное отношение суммарного долга регионов и муниципалитетов к годовым налоговым и неналоговым доходам консолидированного бюджета региона снизилось с 24% в начале года до 20% в начале сентября. Критическая долговая нагрузка сохраняется в Республике Мордовия (долг в 1,9 раз превышает собственные доходы бюджета), хотя размер долга сократился с начала года на 5%. В зоне высокого долга остаются Костромская (долговая нагрузка 87%), Орловская (81%), Смоленская (77%) области, Республика Хакасия (83%), но все они немного сократили долг, в отличие от Еврейской автономной области (82%), Чукотского АО (79%) и Курганской области (73%), где он продолжал расти.

4. 2018 ГОД: ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ И СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Р. Хасанова

Согласно итоговым данным за 2018 г., отмечаются позитивные тенденции по показателям продолжительности жизни, а также по снижению младенческой смертности. Однако рост числа умерших при продолжающемся сокращении числа родившихся усугубляет естественную убыль населения. Незначительное снижение показателя смертности мужского населения в возрасте 16–59 лет сопровождается ростом этого показателя у женщин (16–54 года). Сокращение смертности населения от болезней системы кровообращения, новообразований происходит одновременно с увеличением смертности от болезней органов пищеварения, эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, нервной системы, психических расстройств и расстройств поведения.

Число умерших в России в 2018 г. по сравнению с 2017 г. выросло на 2,8 тыс., или 0,2%, и составило 1828,9 тыс. человек. При этом абсолютный показатель смертности от внешних причин (ДТП, отравлений, утоплений, убийств и самоубийств и т.д.) снизился на 8,1 тыс., или 5,3%, а от болезней увеличился на 10,9 тыс., или 0,7%. **Общий коэффициент смертности в 2018 г. вырос на 0,8% и составил 12,5 на 1000 населения (в 2017 г. – 12,4‰). В то же время на динамику абсолютного показателя и общего коэффициента смертности оказывают влияние изменения возрастной структуры населения России (увеличение доли пожилых людей в населении сказывается и на росте числа умерших).**

В 2018 г. продолжительность жизни населения России составила 72,9 лет: 67,8 лет у мужчин, 77,8 – у женщин. **По сравнению с 2017 г. показатель вырос на 0,2 года: у мужчин на 0,24 года, у женщин – 0,18 лет.** Увеличение продолжительности жизни населения произошло в большей степени за счет снижения смертности на селе – +0,29 лет (в городе +0,18 лет).

Региональный разрыв в продолжительности жизни в 2018 г. вырос и составил 18,8 лет (в 2017 г. – 15,5 лет). Максимальный показатель ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении в 2018 г. наблюдался в республиках Ингушетия (82,4 года), Дагестан (78,7 лет), в Москве (77,8 лет). Минимальная продолжительность жизни отмечена в Чукотском автономном округе (63,6 года), Республике Тыва (66,5 лет), Еврейской автономной области (68,6 лет).

Рост регионального разрыва ОПЖ произошел за счет значительного увеличения смертности в регионе с низким уровнем продолжительности жизни: в Чукотском автономном округе (территория с минимальным показателем ОПЖ) показатель продолжительности жизни в 2018 г. снизился на 2,5 года. Сокращение продолжительности жизни населения по сравнению с 2017 г. наблюдается в 20 регионах (рис. 1). Максимальный рост ОПЖ отмечен в республиках Саха (Якутия) (на 1 год до 72,7 лет в 2018 г.), Хакасия

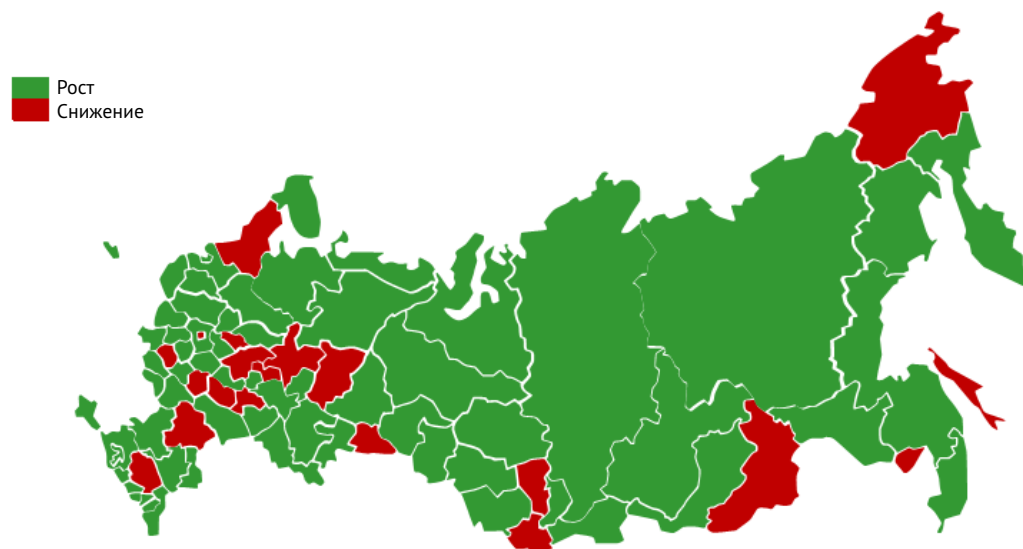

Рис. 1. Продолжительность жизни населения в регионах России, 2018 г. по сравнению с 2017 г.

Источник: данные Росстата.

(на 0,9 года до 71,15 лет в 2018 г.), Дагестан (на 0,9 года до 78,7 лет в 2018 г.), в Краснодарском крае (на 0,88 года до 74,3 лет в 2018 г.).

Рост продолжительности жизни мужского населения связан со снижением смертности от инфекционных и паразитарных болезней, болезней системы кровообращения, органов дыхания, внешних причин (рис. 2). В то же время расчет стандартизованного показателя (в качестве стандарта принята возрастная структура населения 2017 г.) по причинам смерти демонстрирует рост коэффициента смертности от болезней органов пищеварения и прочих причин у мужчин. Смертность мужского населения от новообразований осталась на уровне 2017 г.

Росту продолжительности жизни женского населения в 2018 г. способствовало снижение смертности от новообразований, болезней системы кровообращения, органов дыхания, внешних причин. Однако у женщин росла смертность от инфекционных и паразитарных болезней, болезней органов пищеварения, прочих причин смерти.

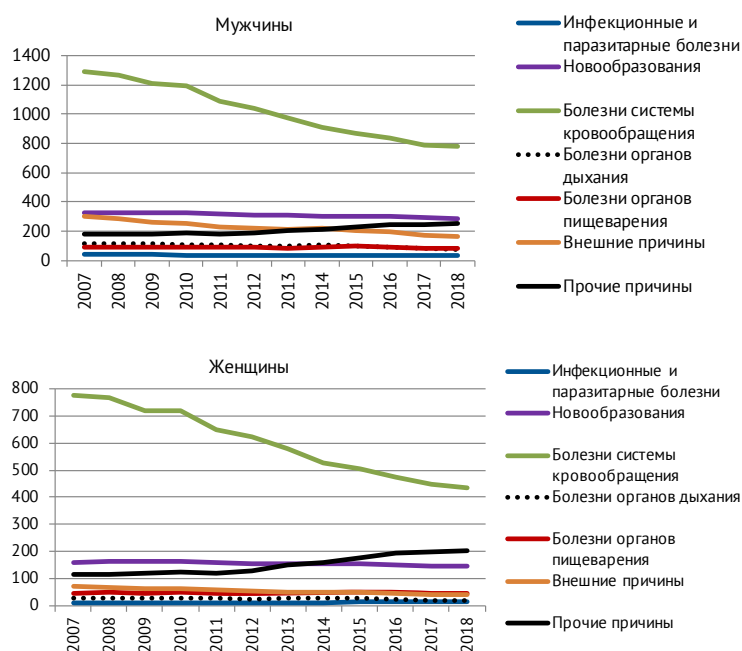

Рис. 2. Стандартизованный коэффициент смертности населения России по причинам смерти, по полу, 2008–2018 гг., на 100 тыс. населения (за стандарт принята возрастная структура населения 2017 г.)

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

4. 2018 год: продолжительность жизни и смертность населения

Продолжается рост смертности от болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, нервной системы, психических расстройств и расстройств поведения.

Возрастные коэффициенты смертности демонстрируют более детальную картину. **Младенческая смертность в 2018 г. по сравнению с 2017 г. снизилась на 9%** и составила 5,1 случаев на 1000 рожденных живыми.

Коэффициент смертности в трудоспособном возрасте (здесь и далее: 16–54/59 лет) в 2018 г. относительно 2017 г. сократился на 0,5% и был равен 481 случаю на 100 тыс. населения соответствующего возраста. **Доля умерших в трудоспособном возрасте составила 21,5% от общего числа умерших.** Основными причинами смерти в трудоспособном возрасте являются болезни системы кровообращения (30,5% умерших в трудоспособном возрасте в 2018 г.), внешние причины смерти (24,2%) и новообразования (15,3%).

Смертность в данной возрастной группе значительно различается по полу – у мужчин она заметно выше. Сравнение данных 2017 и 2018 гг. обнаруживает снижение смертности мужского населения в трудоспособном возрасте, коэффициент снизился на 0,9% (727,2 случая на 100 тыс. населения). Однако аналогичные показатели смертности женщин выросли на 0,7% (210,8 случаев на 100 тыс. населения соответствующего возраста и пола).

Структура причин смерти в трудоспособном возрасте также различается по полу. У мужчин наибольший вклад в смертность вносят болезни системы кровообращения (236,4 на 100 тыс. населения соответствующего возраста и пола), внешние причины (188), новообразования (95,5), прочие причины (69,3). Основными причинами смертности женщин являются новообразования (49,5 на 100 тыс. населения соответствующего возраста и пола) и болезни системы кровообращения (48,3). Обе причины вносят практически равнозначный вклад в смертность женщин в возрасте 16–54 года.

Снижение коэффициента смертности мужчин в возрасте 16–59 лет связано с сокращением показателей смертности от инфекционных и паразитарных болезней, новообразований, болезней органов дыхания, внешних причин смерти. Смертность мужского населения в трудоспособном возрасте от болезней системы кровообращения осталась на уровне 2017 г., а от болезней органов пищеварения (на 3%) и прочих причин смерти (на 8%) – повысилась (рис. 3).

Рост показателя смертности женского населения в возрасте 16–54 года связан с увеличением смертности от инфекционных и паразитарных болезней (на 3%), болезней системы кровообращения (на 1%), болезней органов дыхания (на 6%), пищеварения (на 6%), прочих причин смерти (на 9%).

Рис. 3. Коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте по основным причинам смерти, 2017–2018 гг., по полу, на 100 тыс. населения соответствующего пола и возраста

Источник: данные Росстата.

Смертность населения в трудоспособном возрасте существенно различается по регионам России. Региональный разрыв в коэффициенте смертности населения в трудоспособном возрасте (16–54/59 лет) в 2018 г. составил 813 на 100 тыс. населения. К регионам с максимальным уровнем смертности в возрасте 16–54/59 лет относятся Чукотский автономный округ (955 на 100 тыс. населения соответствующего возраста), Кемеровская область (704), республики Тыва (683) и Карелия (678), Магаданская (663), Иркутская (655), Амурская и Псковская области (654 на 100 тыс. населения соответствующего возраста). Минимальные показатели отмечены в республиках Ингушетия (142 на 100 тыс. населения соответствующего возраста) и Дагестан (166), Чеченской Республике (166), Кабардино-Балкарской Республике (284), Москве (315), Карачаево-Черкесской Республике (327), Ямало-Ненецком автономном округе (360), Республике Северная Осетия – Алания (370 на 100 тыс. населения соответствующего возраста).

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Зубаревич Н., главный научный сотрудник лаборатории исследований демографии, миграции и рынка труда ИНСАП РАНХиГС

Кнобель А., заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара, директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС

Пыжиков Н., научный сотрудник Российского центра исследований АТЭС РАНХиГС

Хасанова Р., научный сотрудник лаборатории исследований демографии, миграции и рынка труда ИНСАП РАНХиГС

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара